

Ольга
Олейник

ОГУРЕЧНЫЙ БИЗНЕС
разведёнки

Ольга Олейник

Огуречный бизнес разведенки

«Автор»

2026

Олейник О.

Огуречный бизнес разведенки / О. Олейник — «Автор», 2026

— Роберт, как ты мог? И почему именно с ней? Я возвращаюсь с поминок по отцу и застаю мужа в кровати с моей младшей сестрой. И когда она выскальзывает из спальни, оставляя нас вдвоем, я выдыхаю:— Ты с ней из-за наследства, да?— Да, — невозмутимо признает он. — Скажи спасибо своему отцу, который всё состояние оставил Жанне. А ведь я был уверен, что оно достанется тебе. Ты была его любимой дочерью. У меня на эти деньги были планы, понимаешь? По завещанию я получила папины книги, старый дом в деревне, где папа родился, и черного папиного кота. И это явно не то, на что рассчитывал мой муж. Сдаться? Простить измену и просить его остаться со мной? Вот уж нет! И пусть я пока ничего не знаю об огородных делах, я всему научусь и начну собственный бизнес. Да хотя бы на огурцах! Вот только пойму, как их нужно сажать — острым кончиком вверх или вниз?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Глава 13	31
Глава 14	33
Г	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Олейник

Огуречный бизнес разведенки

Глава 1

Я на мгновение задерживаюсь перед дверями папиной палаты, встречаюсь взглядом с выходящей оттуда медсестрой. Та грустно качает головой и шепчет:

— Он вряд ли доживет до утра.

Доктор еще неделю назад сказал, что шансов нет, но я еще продолжала на что-то надеяться. Потому что после смерти мамы отец был для меня всем — и мамой, и папой, и опорой, и другом — и я не представляю, как буду жить без него.

Переступая через порог, я растягиваю губы в улыбке. Папа и сам всё понимает, но расстраивать его еще больше своей печальной физиономией я точно не хочу.

— Как хорошо, что ты пришла, Сашенька! — со стоящего рядом с кроватью стула поднимается Кира Евгеньевна — моя мачеха. — Я не хотела оставлять Пашу одного.

Несмотря на то, что она воспитывала меня с четырех лет, называть ее мамой я так и не научилась. Может быть, потому что она и сама никогда к этому не стремилась — стать мне матерью. И всегда относилась ко мне чуточку, но иначе, чем к своей родной дочери. И эту «чуточку» я чувствовала даже тогда, когда еще ходила в детский сад.

Она целует меня в щёку, окутывая ароматом дорогих французских духов, которые в больничной палате ощущаются как что-то инородное.

— Папочка, ты как? — когда за Кирой Евгеньевной закрывается дверь, я занимаю освободившийся стул и беру тонкую руку отца в свои ладони.

Он сейчас постоянно мерзнет, и ничто не может его согреть — ни поставленный возле кровати обогреватель, ни положенная на саму кровать электрогрелка.

— Всё хорошо, Шура! — Шурой меня называет только он. Остальные — Сашей, Сашенькой, Александрой. — И я тоже рад, что ты пришла. Потому что мне нужно с тобой поговорить.

— Пап, тебе не нужно сейчас напрягаться, — я вижу, как тяжело ему дается каждая фраза. — Может быть, ты лучше поспишь? А поговорим потом. После того, как ты отдохнешь.

— Шурка, ты же знаешь, что этого «потом» у меня может и не быть, — уголки его губ дергаются в грустной усмешке. — Так что тебе придется меня выслушать.

Он делает паузу и просит у меня воды. Но его сил хватает только на пару глотков.

— Я хочу попросить у тебя прощения, дочка, — выдыхает он и гладит меня по руке. — Но я надеюсь, ты поймешь, почему я так поступил.

— Прощения? За что? — ему я готова простить что угодно.

— Ты же знаешь, Шурка, что я тебя люблю, правда?

Конечно! Что за вопрос? Мне всегда казалось, что он любит меня больше, чем мою младшую сестру. Возможно, этим он пытался компенсировать недостаток любви ко мне со стороны мачехи. Или перенес на меня ту любовь, что испытывал к моей матери, которая покинула его так рано.

— Конечно, знаю, папа!

— И у тебя ведь всё есть, да, дочка? — он смотрит мне прямо в глаза. — Любящий муж, любимое хобби, прекрасный дом, машина.

— Да, папочка! — киваю я, всё еще не понимая, куда он клонит.

— Ей это нужнее, понимаешь? — он вдруг вздрагивает, ставшее совсем худым тело его сотрясают судороги.

— Доктора! Доктора! — я выбегаю в коридор, хватаю первого попавшегося человека в белом халате и тащу его в папину палату.

С ужасом смотрю, как суетится вокруг кровати медицинский персонал. Меня пытаются выставить вон, но я продолжаю стоять у стены. Папа закатывает глаза, и тело его дергается в последний раз.

Последнее, что я слышу перед тем, как потерять сознание: «Время смерти четырнадцать ноль пять».

В себя я прихожу уже дома. Я лежу на кровати. И когда я открываю глаза, то вижу рядом мужа.

— Сашуля, ты как себя чувствуешь? Может быть, вызвать врача?

А как я могу себя чувствовать, когда папы больше нет? Мне еще хочется думать, что это мне приснилось, а сейчас я проснусь и поеду в больницу. И снова услышу его родной голос, который спросит: «Шурка, как дела?»

— Скоро придут Кира Евгеньевна и Жанна, — говорит Роберт. — Нужно решить, когда мы будем хоронить Павла Станиславовича.

Значит, всё-таки это был не сон. И когда я осознаю это, то начинаю рыдать. И рыдаю до боли в висках, до икоты.

— Сашуля, ну, перестань! — муж садится рядом, обнимает меня. — Хватит! Этим ты ему не поможешь. Он хотел бы, чтобы ты была сильной. Чтобы держалась.

Он прав. Именно это наверняка сказал бы и сам папа. И я вытираю слёзы.

Следующие несколько дней проходят словно в тумане. Подготовка к похоронам. Сами похороны. Потом поминки, на которые собираются очень много людей. Папа был в городе известным человеком. И все его друзья и знакомые считают своим долгом подойти ко мне и выразить соболезнования. Но я едва понимаю, что они говорят.

И папиному нотариусу, который был еще и его другом, стоит немалых трудов объяснить мне, что завтра он придет в родительский дом, чтобы огласить условия завещания.

— Может быть, ты съездишь туда один? — прошу я мужа на следующий день. — Я не смогу сейчас переступить порог дома, зная, что папы там уже нет.

— Саша, ну что за глупости? — хмурится Роберт. — Именно ты и должна там быть, прежде всего. Ты его любимая дочь, и большая часть его состояния наверняка достанется тебе. И если ты не появишься там сегодня, это будет расценено как неуважение.

Он прав. Он как обычно прав. И хорошо, что у меня есть он — такой умный и заботливый муж. Мы познакомились с ним как раз благодаря папе. Он стал его партнером по бизнесу и начал часто бывать у нас в доме.

Сначала он пригласил меня в кино, потом в ресторан. Всё было как в старом черно-белом кино — церемонные ухаживания, стихи под луной и получение папиного одобрения на нашу свадьбу. Впрочем, я вышла бы за него замуж, даже если бы папа его не одобрил. Потому что Роберта было невозможно не полюбить. Он утонченно-красив, интеллигентен и достаточно остроумен, чтобы поразить любое женское сердце.

А выбрал он меня. И папа радовался, что в моей жизни появился тот человек, которому он смог меня доверить.

Папин дом — большой и красивый — встречает нас непривычной тишиной. Он тоже словно умер вместе с папой. Мы с Робертом проходим в гостиную, где уже сидят в креслах Кира Евгеньевна и Жанна. А папин нотариус сидит за столом, и перед ним лежит документ на гербовом бланке.

А чуть в стороне я замечаю папину домработницу Любу, которая стоит у камина, вытянувшись в струнку.

— Ей обязательно присутствовать тут? — спрашивает мачеха, бросая на Любу неприязненный взгляд.

— Да, Кира Евгеньевна, — подтверждает он. — Любовь Леонидовна тоже упомянута в завещании.

Когда мы с Робертом садимся на диван, нотариус приступает к чтению.

Люба в «благодарность за верную службу» получает двести тысяч рублей. Когда она слышит это, то не может сдержать слёз. И когда бормочет слова благодарности, вынуждает нотариуса остановиться.

Кире достаются двухкомнатная квартира в Геленджике, где папа любил отдыхать каждое лето, и пять миллионов рублей.

Тут нотариус делает паузу и смотрит на меня. И взгляд его растерянно-жалостлив.

— Александре Павловне отходит всё то, что находится в здешней библиотеке, а также дом и участок в деревне Тулгас, и... — тут он смущенно кашляет и бросает на меня еще один взгляд — на сей раз виноватый, — кот Шерлок. А этот дом и денежные средства на счетах Павла Станиславовича становятся собственностью Жанны Павловны.

Теперь он смотрит на мою сестру. И я тоже смотрю на нее. И вижу, как на ее лице сменяют друг друга удивление, недоверие и, наконец, сдержанная радость. Ее глаза распахиваются, а сжимающие телефон руки начинают дрожать.

Так вот, значит, за что извинялся папа. За то, что оставил всё моей сестре.

Глава 2

— Нет, но как он мог так с тобой поступить? — Роберт расхаживает по комнате из угла в угол, и у меня от этого мельтешения начинает кружиться голова.

Мы уже вернулись домой, и теперь мой муж может открыто выразить те чувства, что вынужден был скрыть пару часов назад.

Я мотаю головой. Как бы я ни старалась это объяснить, он всё равно не поймет.

Да, я тоже расстроена. И чувствую себя обиженной и обделенной. Но я знаю, что это пройдет. Потому что я понимаю, что мне папа оставил именно то, что считал для себя самым ценным — свои любимые книги, свое родное гнездо в глухой деревне и своего любимого кота.

— Он это сделал, чтобы посмеяться над нами, да? — горячится Роб. — Я был уверен, что почти всё он оставит тебе! А это наследство, словно в «Маркизе Карабасе» — как оплеуха, как пощечина!

— Но ведь у нас же всё есть, правда? — спрашиваю я его теми же словами, что недавно спросил меня отец. — Разве нам этого мало?

Роберт останавливается и смотрит на меня в изумлении.

— Саша, ну ты же не дура! Ты же понимаешь, о каких именно суммах идет речь. Один только дом твоего отца стоит не меньше сорока миллионов! А ведь у него были еще и деньги на счетах.

Пять лет назад отец продал свою компанию и большую часть вырученной суммы вложил в строительство этого дома и покупку квартиры не юге.

— Но у тебя же тоже прибыльный бизнес, — говорю я. — И у нас свой прекрасный дом. И новые машины.

Муж выходит из комнаты, громко хлопнув дверью. Он, похоже, уже забыл, что я лишилась гораздо большего, чем папины деньги — я лишилась самого папы.

На девятый день на кладбище собирается уже гораздо меньше народа — только самые близкие. Жанна рыдает так, что ей становится плохо. И я прошу Роберта отвезти ее домой.

И когда после панихиды в храме Кира приглашает всех пришедших на поминки в ресторан, она просит меня привезти туда и Жанну. Дозвониться до мужа у меня не получается. Наверно, он еще утром отключил телефон, а теперь забыл его включить. И я еду в родительский дом сама.

Несмотря на то, что матери у нас разные, мы с младшей сестрой были близки с самого детства. И даже разница в пять лет нам ничуть не мешала. И сейчас я совсем не сержусь на нее за то, что отец оставил всё именно ей. Он знал, что она привыкла к достатку и боялся, что с ее непростым характером и высокими запросами мужа она будет искать себе очень долго.

Подъезжаю к дому и вижу машину Роберта у крыльца. Молодец, что не оставил Жанну одну в таком состоянии. Признаться, ее отчаяние меня растрогало до глубины души. Оно оказалось так созвучно моему, что мне сейчас особенно, как никогда прежде, хочется посидеть с сестрой на диване, обнявшись, укутавшись пледом и вспоминая отца. Потому что только мы с ней в состоянии понять, кого мы потеряли.

Вхожу в холл. Тишина. Люба сегодня тоже на поминках.

Прохожу по пустому первому этажу, поднимаюсь по лестнице на второй. Комната сестры в самом конце коридора. И чем ближе к ней я подхожу, тем слышнее становятся какие-то странные звуки. Неужели Жанна всё еще плачет?

Распахиваю дверь и застываю на пороге.

На кровати — два слитых воедино обнаженных тела — Жанны и моего мужа. Они так увлечены процессом, что замечают меня не сразу. А когда замечают, дружно охают.

Лицо сестры становится почти белым. Она вскакивает с постели, заматывается в простыню и пулей вылетает из комнаты, едва не сметая меня по пути. Сказать что-либо она нужным не считает.

— Роб, как ты мог? И почему именно с ней?

А вот он с кровати поднимается неспешно и так же неторопливо, вальяжно надевает рубашку, брюки, пиджак и даже галстук. Он любит порядок во всём. И одет всегда с иголки.

— А что ты хочешь услышать, Саша?

— Ты с ней из-за наследства, да?

Или я была такой дурой, что не замечала, что они и раньше мутили за моей спиной? Нет, не похоже. Сестра не из тех, кто будет делить любимого мужчину с другой. Будь у них роман, она уже давно заявила бы свои права на него.

А то, что он нравился ей, я знала всегда. Она долго дулась на меня за то, что, появившись в нашем доме, он выбрал не ее, а меня. Тогда я была уверена, что с ее стороны это не более, чем увлечение, ведь ей было всего двадцать. Сейчас ей двадцать три, и кажется, это увлечение до сих пор не прошло.

— Да, — невозмутимо признает он. — Скажи за это спасибо своему отцу, который всё состояние оставил Жанне. А ведь я был уверен, что оно достанется тебе. Ты была его любимой дочерью. У меня на эти деньги были планы, понимаешь?

Я не верю своим ушам. Значит, когда папа был еще жив, Роберт уже строил какие-то планы на его деньги?

— Разве тебе недостаточно того, что у нас есть? — спрашиваю тихо.

— Какая ты смешная, Сашка! — он и в самом деле хмыкает. — Денег много не бывает. И когда ты уже это поймешь? Я начал серьезный проект в расчете на твое наследство. И сорвать его я не могу. Мне нужны эти деньги, и я их получу.

Я смотрю на него и не узнаю. Неужели это бесчувственное чудовище — мой муж? Оказывается, я его совсем не знала.

И ему не нужны ни я, ни Жанна — только те деньги, которые прилагаются к нам.

Меня вдруг пронзает мысль о том, что, возможно, он и женился на мне вовсе не по большой любви, как я тогда думала. Может быть, он уже тогда думал исключительно о папиных деньгах и о его поддержке в бизнесе?

— Надеюсь, в ресторане ты не закатаешь истерику, Саша? Не стоит осквернять память твоего отца.

Осквернять? Память? И это говорит мне человек, который только что спал с сестрой своей жены?

— Я не хочу, чтобы ты приходил в ресторан! — говорю я. — И папа бы этого не хотел точно.

Он пожимает плечами:

— Как скажешь. Тогда я еду домой. Обсудим всё вечером. Но мой тебе совет — будь благоразумна. Если ты решишь разводиться со скандалом, то не получишь ничего. И поскольку Павла Станиславовича уже нет, заступиться за тебя будет некому.

Глава 3

— Ты хочешь что-то сказать? Так говори! — сестра уже одета. Она даже успела поправить свой макияж, и теперь ее выкрашенные непривычной для нее неяркой помадой губы дергаются в усмешке.

Но мне нечего ей сказать. Если она сама не может понять, как низко пала, то никто ей этого не объяснит.

— Ты хоть понимаешь, что ему нужна не ты сама, а те деньги, которые ты вот-вот получишь?

Конечно, не понимает. Я вижу это по ее глазам.

— Это тебе так хочется думать! — возражает она. — Так тебе проще смириться с поражением. А ведь это поражение, да, сестренка?

Неужели она думает, что это игра, где есть победитель и побежденный? Нет, в этой игре мы проиграли обе.

— Это на тебе он женился из-за денег, — продолжает она. — Ему с самого начала понравилась именно я. Но папа убедил его, что я еще слишком молода и что ты подходишь ему гораздо больше. Папа именно потому и оставил мне наследство, что винил себя за то, что разлучил нас.

— Это Роберт тебе сказал? — поражаюсь я его фантазии. И неужели она и в самом деле настолько наивна, чтобы поверить в эту чушь?

Впрочем, я и сама недалеко ушла. Ведь я тоже все эти три года верила каждому его слову.

— А ты думаешь, почему у вас нет детей? Потому что Роберт не хотел от тебя ребенка.

Я отворачиваюсь, чтобы она не заметила, как мне плохо. Выкидыш, что случился год назад, оставил в моем сердце слишком болезненную рану. И ребенка Роберт как раз очень хотел. Наверно, надеялся, что внук окончательно заставит моего отца принять решение именно в нашу пользу.

Слушать ее так тошно, что я разворачиваюсь и иду к машине.

— Сашка, постой! Ты должна отвезти меня в ресторан!

— Я ничего тебе не должна! Вызовешь такси.

Сама я уже знаю, что не поеду в ресторан. Не хочу сидеть за одним столом с сестрой и делать вид, что ничего не случилось. Даже ради памяти папы. Особенно ради его памяти.

— Не любишь проигрывать, да? — кричит она мне вслед. — Но ты и сама виновата! У тебя были три года, чтобы заставить Роберта тебя полюбить! А ты не смогла!

«Заставить полюбить»! Кажется, заставить кого-то полюбить моего мужа могут только деньги. И однажды Жанна поймет это сама.

— И не вздумай препятствовать разводу! Роберт сказал, что наймет лучших адвокатов, чтобы с тобой развестись. И ты ни на что не можешь претендовать! Дом, в котором вы живете — его! И бизнес тоже его! А твоего там нет ничего! Только шмотки! Их можешь забирать. Мне чужого не надо!

— Чужого не надо? — я всё-таки оборачиваюсь и смотрю ей в лицо. — А как же мой муж? Ты могла бы подождать хотя бы до нашего с ним развода. Или так не терпелось запрыгнуть к нему в койку?

— Вообще-то это он запрыгнул ко мне в койку, — на сей раз ее замечание вполне справедливо. — Хотя какая теперь разница? Мы любим друг друга! А всё остальное неважно. И вот еще что — когда мама уедет в Геленджик, Роберт переедет ко мне. Так что потрудись в ближайшее время забрать папину библиотеку. Да-да, и кота тоже. А в той комнате, где была библиотека, мы сделаем нашу спальню.

Она смакует каждое слово, наслаждаясь моим унижением.

Сажусь в машину и рывком трогаюсь с места. Вот только куда мне ехать теперь? Дома у меня, кажется, уже нет.

Разве что только тот, который оставил мне папа. Где он там находится? В деревне Тулгас? Это название мне решительно ничего не говорит.

Я была там только однажды, еще ребенком, и почти ничего не помню. Только козу, которая меня напугала. И не только меня, но еще и Жанну. Именно после этого Кира Евгеньевна заявила, что в деревню мы больше не поедem.

И мы действительно туда больше не ездили. Даже сам папа. Он вообще мало отдыхал и много работал. И даже в отпуске предпочитал оставаться в городе, чтобы всегда быть «на связи». Бизнес требовал внимания.

Да и врачи советовали ему отдыхать на южных морях, а не в северной деревне.

Останавливаюсь на стоянке у торгового центра, достаю телефон. Вбиваю в поиск слово «Тулгас». Триста километров от города. Не так и далеко.

Приходит мысль съездить туда и посмотреть на свои владения. Просто посмотреть. И примерно прикинуть, сколько дом с участком могут стоить. Потому что как только я вступлю в наследство, мне придется их продать.

Ведь где я, и где деревня? Мы как два разных полюса, несовместимы.

Глава 4

Снимаю номер в гостинице. Потому что поехать сейчас домой я просто не смогу. Да и не мой это дом, а Каблукова. Он ясно дал мне это понять.

Заполняю на госуслугах заявление на развод. Мне почему-то оказывается важным самой подать его, не дожидаясь, пока это сделает Роберт.

Вечером, когда я уже ложусь спать, звонит Кира Евгеньевна.

— Саша, ну так нельзя! Как ты могла не прийти на поминки? Что о нас подумают люди?

Интересно, она знает о том, что случилось между Жанной и моим мужем? Наверняка не знает, иначе не стала бы мне звонить.

— Мне всё равно, что они подумают. Да и вы, наверно, это как-то разумно объяснили.

— Да, я сказала, что ты плохо себя чувствуешь. Но ты же понимаешь, что разговоры пойдут всё равно. Девочка, так не делается.

— Извините, Кира Евгеньевна, но я уже почти сплю. И вы наверняка тоже устали. Спокойной ночи!

Я собираюсь нажать на «отбой», но она меня останавливает.

— Саша, подожди! Я хочу обсудить с тобой еще кое-что!

Она мнетя, и понимаю, что она всё знает. Жанна ей всё рассказала. А может, и не всё, но явно многое.

— Сашенька, мне очень жаль, что всё так случилось. Ну, ты понимаешь, о чём я говорю.

— Нет, не понимаю.

Мне интересно, какими словами это опишет она сама.

— Я о том, что произошло между тобой и Жанной... Поверь мне, я прекрасно понимаю твои чувства. И мне очень жаль, что ты узнала обо всём таким образом. Я уже сказала дочери всё, что об этом думаю. Конечно, им не следовало делать это именно сейчас. Но ты должна понять сестру... Она была влюблена в Роберта уже много лет. И когда она узнала, что он тоже к ней неравнодушен, то не смогла сдержаться.

Какое романтическое объяснение! Вот только фальшивое насквозь.

— А вам не кажется странным, что Роберт признался, что он не равнодушен к Жанне именно тогда, когда она стала богатой наследницей? Неужели вам самой не противно от того, что он...

— Сашенька, я понимаю, ты обижена. Но что случилось, то случилось. И ты зря наговариваешь на Роба. Я уверена, что его признание совсем не связано с деньгами твоего отца.

Я просто кладу трубку. Переливать из пустого в порожнее просто не имеет смысла. Если они хотят считать Каблукова честным и благородным человеком, то кто же им может это запретить?

На следующий день мы едем в дом отца вместе с нотариусом, который сам вызвался меня сопровождать.

— Саша, по просьбе Павла я составил полную опись того, что находится в библиотеке. Я, конечно, не думаю, что Кира Евгеньевна или Жанна захотели бы что-нибудь оттуда забрать, но осторожность, знаешь ли, не помешает.

Библиотека это не то место, где мои мачеха и сестра бывали часто. Да, можно сказать, они не бывали там почти никогда, ибо книги не входили в сферу их интересов. И я если бы отец не завещал мне все те тома, что он так тщательно собирал, то все собрания сочинений наверняка оказались бы на помойке. Хотя нет, не на помойке, а в букинистическом магазине, ведь за них можно выручить деньги.

Я нанимаю специальных людей, которые помогают при переездах — они приезжают на грузовом автомобиле, с коробками, в которые и упаковывают аккуратно всё то, что мы достаем из книжных шкафов.

— Не забудьте картины со стен! — говорит нотариус.

— Но картины не книги! — заявляет Кира Евгеньевна.

— В завещании речь шла не только о книгах, — напоминает он, — а обо всём, что находится в библиотеке. Так что вынужден с вами не согласиться.

И мы пакуем и картины, и альбомы с фотографиями, и какие-то документы, которые находим там же в шкафах.

— Саша, вы имеете право забрать и всю мебель из этой комнаты!

И я забираю и сами шкафы. Просто из вредности. Да и зачем им книжные шкафы, если книг уже нет?

Хотя у меня самой ситуация еще более сложная. Книги и шкафы у меня теперь есть. А вот места, куда их можно было бы поставить, нет.

— Хозяйка, нам нужен адрес доставки!

Знать бы мне его еще самой!

Выручает нотариус. Диктует адрес деревни. Договариваемся с водителем, что они повезут туда вещи на следующий день.

— Вот только, Саша, я не уверен, что в том доме будет достаточно места для книг, — вздыхает нотариус.

Это я понимаю и сама. Там обычный деревенский дом. Причем очень старый. Не удивлюсь, если он вовсе не пригоден для жилья. За столько лет там уже могла обвалиться крыша. Или как минимум протечь.

Ну, ничего, придумаем что-нибудь на месте. Наверно, можно арендовать какое-нибудь помещение на пару месяцев.

Этим вечером я всё-таки приезжаю домой к Каблукову. Он встречает меня на удивление доброжелательно.

— Я рад, что ты вернулась, Саша! Надеюсь, мы можем поговорить как нормальные цивилизованные люди?

Киваю. Конечно, можем. Хотя мне ужасно хочется запустить ему в морду чем-нибудь тяжелым.

— Думаю, ты понимаешь, что не можешь претендовать ни на мою квартиру, ни на мой бизнес?

— Вообще-то твой бизнес сильно вырос после того, как тебе стал помогать мой отец, — говорю я.

Роберт морщится:

— Сашуля, ну давай не будем мелочиться. Если ты вздумаешь судиться, ты проиграешь. И ты сама прекрасно это знаешь. Так стоит ли портить нервы и себе, и мне? Свои вещи ты можешь забрать в любое время, я тебя не тороплю. И я даже готов выплатить тебе некоторую компенсацию — разумеется, зафиксировав это в письменном виде.

Компенсация за то, что я была его женой! Это так противно, что я предпочитаю не отвечать. Я уже советовалась с адвокатом. Он сказал, что подать в суд заявление на раздел имущества можно в течение трех лет после расторжения брака. Так что думать об этом сейчас я не хочу. Тем более, что сейчас мне нужно собрать свои вещи. Чем я и занимаюсь до самого утра.

А утром, когда ко мне приезжают всё те же специалисты из фирмы по перевозке, мы загружаем машину еще и коробками с моей одеждой.

Запрыгиваю в машину (хорошо хоть не нужно делить ее, потому что это папин подарок) и еду в родительский дом за котом. Шерлок любит путешествовать, так что охотно располагается рядом со мной на пассажирском сиденье.

— Саша, мне жаль! — всё-таки снисходит до некоего подобия извинений Жанна.

А уж как мне-то жаль! И как ни странно, жаль и ее тоже. Это я уже поняла, что за человек Каблуков, а ей это дивное открытие сделать еще только предстоит.

Глава 5

В деревню Тулгас я еду по навигатору. Где она находится я представляю весьма приблизительно. Но мне нужно добраться до моего нового (а вернее очень старого дома) быстрее, чем туда приедет машина с книгами и моими вещами.

Конечно, это не слишком благоразумно. Наверно, нужно было сначала съездить туда самой, разведать обстановку, убедиться, что мне будет куда всё это складировать. А уже потом договариваться с транспортной компанией. Но при моем нынешнем настроении возвращаться в город мне не хочется. По крайней мере, в ближайшее время. Мне хочется уехать от Каблукова, мачехи и сестрицы как можно дальше.

Да, вполне возможно, что дом окажется непригодным для жилья. Но я надеюсь, что это не так. Папа был человеком хозяйственным и предусмотрительным. И несмотря на то, что мы давным-давно не ездили в эту деревню, он наверняка продолжал заботиться о своей собственности. И для этого ему совсем не обязательно было бывать там лично. Достаточно было договориться с кем-то, кто там живет. А местных жителей сам он знал хорошо, ведь он там родился.

Конечно, дом старый. И я не лъщу себя мысль, что его интерьеры окажутся такими, как каким привыкла я. Понятно, что там нет ни посудомойки, ни стиральной машины. Возможно, нет даже холодильника. И мебель древняя, как и сам дом. Но этот вопрос мы как-нибудь решим.

Если мои воспоминания из детства меня не обманывали, то в доме были как минимум две комнаты и большая кухня. А значит, можно попробовать втиснуть в одну из комнат свои книжные шкафы. А если не получится, то пока оставить их в сарае. В огороде же должен быть сарай, правда? Но даже если его нет, то его можно построить. А пока арендовать сарай у соседей.

Этой ночью я попыталась прикинуть, какими средствами располагаю. Папа всегда баловал нас с Жанной и на дни рождения, а также на другие праздники делал щедрые подарки. На мое двадцатипятилетие подарил мне иномарку. Но обычно предпочитал дарить деньги. Так что на счете у меня довольно неплохая по среднестатистическим меркам сумма. А еще шкапулка с золотыми и платиновыми украшениями, которую я предпочла оставить в банке — их, если потребуется, тоже можно продать.

Навигатор сообщает, что нужно свернуть с федеральной трассы на трассу регионального значения, что я и делаю. Дорога становится хуже, но она всё еще асфальтированная. А вот когда свернуть приходится и с нее, ситуация осложняется.

Хорошо еще, что дождей давно не было, потому что проехать по этой грунтовой дороге даже в сухую погоду — целый квест. А уж что тут бывает после недели ливней, мне даже представить страшно.

Навстречу мне едет старый отечественный внедорожник. И вот он как раз очень лихо прыгает по всем этим буграм и впадинам. А за ним несется такое облако пыли, что я уже не вижу дороги. Замедляю скорость еще больше. В какую же глушь я еду?

Навигатор информирует, что до нужной точки после очередного поворота налево остается пара километров по прямой. Отлично. Потому что езда по этой гладильной доске меня уже утомила.

Я поворачиваю в указанном направлении и не могу сдержать вздох изумления. Деревня стоит на горюшке. И кажется, что старинная деревянная церковь упирается прямо в небо. И дома рядом с ней такие пасторально-непривычные, что мне кажется будто я попала не в прошлый даже, а в позапрошлый век.

Интересно, досюда вообще добралась цивилизация? А что, если тут нет даже интернета? Эта мысль приводит меня в ужас. Да, возможно, местные жители к этому привыкли, но я-то к такому явно не готова. А как же моя группа в телеграмм и блог на рутубе?

Когда машина взбирается на горушку, оказывается, что деревня тут словно состоит из двух частей. И одна — с той самой церковью и старыми домами. А другая — куда более современная. Здесь и дома поновее — с телевизионными тарелками, покрытыми металлочерепицей крышами и обшитыми сайдингом стенами.

Но мой дом, судя по навигатору, как раз в старой части. Вот он — под номером пятнадцать. А названия у улиц тут нет вовсе. Впрочем, как и самих улиц. Просто одна деревня, тянувшаяся на пару километров вдоль берега реки.

Место, надо признать, красивое. И какое-то благодное, что ли. Не удивительно, что папа этот дом не хотел продавать.

Да и сам дом выглядит вполне прилично. Хотя он ничем не обшит. Стены из толстых бревен потемнели от времени и непогоды, но гнилыми не выглядят. И забор вокруг участка явно поставлен не так давно. И крыша на доме перекрыта.

Я как раз люблюсь расписанными в разные цвета наличниками на окнах, когда меня окликают.

— Вы к кому?

Оглядываюсь. В нескольких шагах от меня стоит женщина лет шестидесяти — высокая, не худенькая. Из тех, что коня на скаку остановить сможет. Ну, или, по крайней мере, по молодости точно могла.

— Это дом Мельниковых? — на всякий случай уточняю я.

— Именно так! — подтверждает она. — А вы кто будете?

Она смотрит на меня исподлобья. Как смотрят на всяких подозрительных чужаков. И вдруг в одно мгновение взгляд ее меняется, будто светлеет.

— Лександра, что ли?

Она называет меня по имени, проглатывая букву «а». И на меня веет чем-то из детства.

— Да! — улыбаюсь в ответ.

Я была здесь всего раз, много лет назад. И то, что кто-то здесь помнит меня, кажется мне почти чудом. И на миг мне кажется, что я приехала домой.

Глава 6

— А что же Павел сам? Не приехал? — задает женщина следующий вопрос.

И улыбка сразу сбегает с моих губ.

— А папа... умер. Десять дней назад.

Женщина охает, торопливо крестится.

— Да как же это так? А мы всё сюда его ждали. Думали, может, всё-таки однажды придет, — в глазах ее я вижу слёзы. — Ох, да что же я вас разговорами-то томлю? Ты же с дороги! Пойдем я тебя хоть чаем напою!

Мне хочется чаю. И хочется есть. Но скоро придет машина с грузчиками, а у меня еще нет представления, куда я буду ставить все эти шкафы.

— Нет, спасибо! Может быть, чуть позже. А сейчас я хотела бы зайти в дом.

У меня есть ключи и копия завещания, где написано, что этот дом папа отписал именно мне. Впрочем, женщина и не думает в этом сомневаться.

— Конечно-конечно! Проходи! — говорит она и распахивает скрипучую калитку. — А мы тут за хозяйством присматриваем, как можем. Уж ты не обессудь.

То, что присматривают, видно — трава в огороде скошена, и на крыльце несколько отремонтированных ступенек (светлые доски явно выделяются на фоне старых).

— А ты, никак, дом-то продавать приехала? — она неодобрительно поджимает губы.

Я усмехаюсь:

— Вовсе нет! Наоборот, буду тут жить.

— Тут? — явно не верит она. — В Тулгасе, что ли?

Да я и сама пока не верю. Возможно, уже через пару дней зачахну тут от тоски и подамся в город. Не в родной город, а в какой-нибудь другой.

Но пока мне нужно пристроить куда-то свои вещи. И самой немного прийти в себя.

Мы поднимаемся на крыльцо. С трудом, но всё-таки открываем заржавевший замок на входных дверях.

Переступаю порог дома, который был родным для моего отца. И для моего деда. Я не слишком сентиментальна, но сейчас чувствую какую-то странную дрожь.

Сначала мы попадем на кухню. Она большая, с русской печью и пристроенной к ней какой-то странной деревянной конструкцией.

— Это голубец, — поясняет женщина. — Раньше с него и на печь забирались, и в подклет спускались. Ну, а нынче уж так, скорей, для красоты.

На стенах развешены узкие полки с тарелками. В буфете между стен видны чашки и граменные стаканы. Стол накрыт скатертью с вышивкой. Когда-то, наверно, ткань была белоснежной, а сейчас посерела от пыли.

Передняя комната тоже большая и на удивление светлая. Окна маленькие, но зато их много. И на каждом висят расшитые павлинами занавески. Высокая кровать застелена покрывалом, отороченным кружевом.

Мне кажется, что я попала в музей.

Мебели в этой комнате немного, и мне кажется, что несколько книжных шкафов сюда точно войдут. Да, в этот интерьер они решительно не вписываются. Но тут уж выбрать не приходится.

В окно вижу подъезжающую к дому грузовую машину и выбегаю на улицу. Объясняю грузчикам, что и куда носить.

Они быстро и ловко передвигают старинную мебель и начинают заносить в дом шкафы и коробки. Соседка наблюдает за всем этим со смесью изумления и тревоги.

А ведь я даже не знаю, как ее зовут. Она не назвала себя — то ли от волнения, то ли решив, что я знаю ее имя сама. А я сразу не спросила, а теперь уже не до того. Потому что я тоже кручусь как белка в колесе. Раздаю указания, отмечаю в списке выгруженные вещи, кормлю запертого в моей машине Шерлока.

— Мамаша, водички не найдется? — спрашивает у соседки водитель.

А я чувствую себя неловко. Хотя бы о воде мне следовало подумать. День жаркий, и пить хочется всем. Но у меня с собой только маленькая бутылочка — для меня и кота.

— Августа Геннадьевна я, — откликается она. — А водички это мы мигом сообразим.

Она уходит к себе в дом, а через несколько минут возвращается с графином воды. Рабочие пьют прямо из графина и очень хвалят воду.

Выгрузка занимает три часа. Из всех привезенных шкафов в комнату помещаются только половина. И то без верхних частей, потому что потолки в этом доме куда ниже, чем в городском. Еще парочку мы пристраиваем в сених. А остальные приходится занести в сарай, который стоит в дальней части огорода.

Августа Геннадьевна при этом охает:

— Да кто же в сарае такую ладную мебель держит?

Но не на улице же ее оставлять. А вот все коробки с книгами оказываются в комнатах, из-за чего те превращаются в какой-то склад, и я с трудом протискиваюсь между ними. Ну, ничего, как-нибудь разберемся.

Когда рабочие уезжают, я, наконец, заношу Шерлока в дом. Он деловито обходит все комнаты, обнюхивая каждую вещь.

— Черный какой! — то ли с восхищением, то ли с опаской говорит Августа Геннадьевна. — Ну, ладно, домой я пойду. А ты ужинать приходи. Печь сегодня не топи, завтра этим займемся.

Это она могла бы и не говорить. Печь топить я не умею в принципе. Нужно будет подумать о газовой или электрической плите. А иначе мне придется сидеть голодной.

Соседка уходит, а я среди множества (к счастью, подписанных) коробок нахожу ту, что с постельным бельем. Хорошо, что я догадалась взять его из дома Каблукова. И нет, мне ничуть не стыдно. Уж хотя бы на это-то я право имею. А для Жанны мой пока еще не бывший муж купит новое.

Матрас на кровати толстый, но не слишком мягкий. И подушки набиты не пухом и даже не ватой, а сеном. А я люблю комфорт. Вот еще один пункт в список покупок. Интересно, где здесь ближайший нормальный магазин?

Заправляю кровать, наливаю Шерлоку в миску воду. Нужно будет спросить у Августы Геннадьевны, где они берут питьевую воду. В колодце? В реке? Или у них есть скважина?

Желудок громким урчанием напоминает об ужине.

Выхожу на улицу и застываю на пороге. На крыльце стоит девочка лет пяти или шести. Одна, без взрослых.

— Привет! — говорю я. — Ты кто? Что ты тут делаешь?

А она бросает на меня неприветливый взгляд и строго спрашивает:

— А вы тетя что тут делаете? Это наш с папой дом!

Глава 7

Смотрю на кнопку с удивлением.

— Ваш с папой? А где твой папа?

Она еще слишком мала, чтобы гулять одной. Да, в деревне к этому относятся проще, чем в городе, но и здесь на каждом углу — куча опасностей. И животные — коровы, козы, собаки. И речка. И, пусть редкие, но машины.

— Папа работает. Я тут одна.

Одна? И что мне теперь с ней делать? Не могу же я позволить ей шататься по деревне, даже если ее папаша относится к этому спокойно? А если с ней что-то случится?

— А где вы с папой живете?

Не могут же они и в самом деле жить в моем доме?

— Там! — девочка неопределенно машет рукой.

Ну, уже хорошо, что не тут.

— Меня Сашей зовут, — говорю я. — А тебя как?

— Ксюша, — она с умиленной серьезностью протягивает мне руку, и я ее пожимаю.

У нее темные волосы и голубые глаза. Одета в светлую футболку и джинсовый сарафанчик. Загорелые ноги искушены комарами и поцарапаны в нескольких местах. И футболку не мешало бы постирать.

— А мама твоя где?

— А мамы у меня нету, — сокрушенно вздыхает девочка.

Глажу ее по голове, хотя об отсутствии мамы она сообщает без слёз в глазах. А вот мне уже хочется плакать. Я тоже лишилась матери в раннем детстве и слишком хорошо понимаю, что значит расти без материнской ласки.

Теперь ее грязная футболка кажется уже такой мелочью, на которую не стоит и внимания обращать.

— Может быть, ты кушать хочешь? — спрашиваю я.

А когда она кивает, я беру ее за руку. Закрываю дом, и мы идем к соседке. Надеюсь, Августа Геннадьевна не будет против еще одного рта за столом. И она, по крайней мере, сможет рассказать мне, откуда эта Ксюша взялась.

— Августа Геннадьевна, а я не одна! — с порога говорю я.

В соседском доме пахнет пирогами. Не покупными, а своими, из печи. И в избе не просто тепло, а даже жарко.

— Ну, мойте руки, садитесь за стол! — командует хозяйка.

Умывальник у дверей. Старинный, в который воду нужно ковшиком заливать. Я такие только в кино видела.

И я не сразу понимаю, как он работает. А Ксюша, кажется, понимает, но дотянуться до него не может, и мне приходится ее приподнять.

Она снизу вверх поддевает ладонкой металлический стержень, и из открывшегося отверстия льется вода. Принцип действия понятен. Спустя минуту то же самое проделываю и я.

На столе уже стоят тарелки с супом. Вообще-то уже ужин, а суп я привыкла есть на обед. Но, кроме меня, кажется, тут никого это не удивляет.

Да и суп сам по себе оказывается отменным — густым, наваристым, и мясо просто тает во рту. Я никогда не ела такого даже в ресторане.

А потом мы пьем чай с шанежками. Вообще-то мучным я стараюсь не злоупотреблять, но тут не могу удержаться и ем аж две штуки.

— Ешьте-ешьте, — одобрительно кивает хозяйка. — Я завтра еще сковородников напеку.

Я чувствую себя так, как, наверно, чувствовала бы, окажись я в сказке. Находясь в трехстах километрах от города, я будто попала в другой мир. И в этом мире мои привычные знания и навыки вдруг оказываются бесполезными. А то, что мне нужно знать тут, я вовсе не знаю.

— Спасибо, Августа Геннадьевна, всё было очень вкусно! — благодарю я и оставляю чашку в сторонку, потому что хозяйка норовит налить мне еще чаю.

— Да что ты меня так величаешь-то? — удивляется она. — Зови просто — тетей Гутей.

Это звучит так мило, что я не могу не улыбнуться. А со мной за компанию улыбается и Ксюша. И улыбка у нее прям до ушей. А в ушах, между прочим, серьги-гвоздики.

— Тетя Гутя, — я всё же спотыкаюсь на этом обращении, — а почему Ксюша сказала, что мой дом — это их с папой дом?

Сама девочка увлеченно макает кусочек шаньги в блюдо с черничным вареньем, и ей пока явно не до нас.

— Ох, да, они же жили в нем несколько месяцев! Когда только-только приехали в деревню. Их дом еще только строился, жить им было негде. Вот я и позвонила твоему отцу, спросила, не пустит ли он к себе постояльцев. Когда дом пустой стоит, разве же это хорошо? Ветшает всё, рушится. Мы присматриваем, конечно, но дому нужна душа. Человек в нём быть должен. А Данила и печь подправил, и крышу перекрыл, и забор новый поставил.

— Значит, это его рук дело? — хмыкаю я.

— Его, его! — кивает Августа Геннадьевна. — Он на все руки мастер.

Мне хочется спросить и про маму девочки, но в присутствии Ксюши делать этого точно не стоит. Хоть она и маленькая, но наверняка уже многое понимает.

— А их дом далеко отсюда? Нельзя же отпускать ее одну.

Августа Геннадьевна смотрит на меня с удивлением. Но не возражает.

— Сходи, проводи, конечно! Дом у них новый на другом конце деревни. Весь голубой такой — как небо. Не ошибешься.

Беру Ксюшу за руку, и мы идем по улице вдоль разноцветных заборов. И каждый, кого мы встречаем на пути, с нами здоровается. Для меня это странно. Но я помню, что папа говорил, что тут так принято. Поэтому я вежливо отвечаю.

Я чувствую на себе любопытные взгляды — из-за заборов, из окон. И меня уже начинает это раздражать. Кажется, чтобы прийти в себя и успокоиться, я выбрала совсем не то место.

— Хочешь шоколадку? — спрашиваю я, нащупав в кармане батончик.

Ксюша кивает, и я разворачиваю лакомство и вручаю ей. Она с удовольствием впивается в него зубами. Понятно, что тут же измазывает и руки, и щеки. Ну, ничего, дома отмоется. Хорошо бы ее «заботливый» папаша уже вернулся с работы. А иначе мне придется вести ее назад.

Голубой дом виден издалека. Он тут, похоже, самый новый. Надо сказать, красивый. Голубой и синий — мои любимые цвета.

Но не успеваю я разглядеть его хорошенько, как слышу сердитое:

— Ксюха, немедленно выбрось эту гадость! А вы тоже хороши! Ей нельзя шоколад! У нее аллергия!

Глава 8

Что? Это мне?

Вздрагиваю, оборачиваюсь на голос и вижу в паре шагов от нас мужчину лет тридцати или тридцати пяти. Русые волосы. Некое подобие бороды — надо сказать, ему идет. Глаза прищурены так, что трудно разглядеть их цвет. Высокий, крепкий.

Когда мой взгляд упирается в его могучий торс, едва прикрытый белой майкой, я чувствую, что краснею. Этакий Рембо, оказавшийся в российской глубинке.

— Папочка!

Ксюша несется к нему, спотыкается и едва не падает. Но он вовремя подставляет руки и подхватывает ее. Подхватывает легко, как пушинку, и подбрасывает ее вверх. Она визжит от восторга.

А когда ставит ее на землю, то забирает остаток шоколадки из ее руки и безжалостно выбрасывает его в траву. И теперь уже смотрит на меня. А взгляд не просто уверенный, а какой-то оскорбительно-снисходительный.

Да как он смеет меня в чём-то упрекать? Вообще-то Ксюша — это его сфера ответственности! И если он не хочет, чтобы она ела что-то сладкое, то должен за этим следить. А не отпускать ребенка одного гулять по деревне. Даже если в этой деревне обычно бывает спокойно.

— Я так понимаю, это вместо «спасибо»? — хмыкаю я.

— Спасибо? — переспрашивает он. — А за что именно я должен сказать вам спасибо, не подскажете? За то, что у моей дочери завтра будет сыпь по всему телу?

Я едва не задыхаюсь от его наглости. Вот и делай людям добро.

Самое правильное в этой ситуации просто развернуться и уйти. Наши дома, к счастью, в разных концах деревни, и мы вряд ли будем часто встречаться.

Но раз уж он позволил себе меня упрекать, то и я молчать не собираюсь.

— Хотя бы за то, что я привела вашего ребенка домой. А еще за то, что накормила ее ужином, — вообще-то ужин на самом деле был не мой, но об этом я предпочитаю умолчать. В конце концов, если бы я не привела Ксюшу к тете Гуте, то она бы до сих пор была голодной.

— Ну, что же, давайте по пунктам! — ухмыляется мужчина. — Привели домой? Ну, спасибо, конечно, но моя дочь и сама знает прекрасно знает дорогу. Она у меня почти взрослая и очень самостоятельная.

Нет, ну каков! Сказать «самостоятельная» про пятилетнего ребенка! Нажаловаться на него в полицию? Или в опеку? Или куда там жалуются, когда родителям на детей наплевать? Даже собака на самовыгуле — это плохо, а тут маленький ребенок!

— Я даже кашу умею валить! — с гордостью сообщает Ксюша.

— Она еще слишком мала, чтобы гулять одной! — возражаю я.

— Я взлослая! — перебивает она с возмущением.

— Во-вторых — мы достаточно хорошо обеспечены, чтобы ужинать у чужих людей. А поскольку у Ксении на некоторые продукты аллергия, то я прошу вас впредь моего ребенка не кормить.

Да пошел он! Я вообще больше к его ребенку не подойду!

Я как раз собираюсь развернуться на сто восемьдесят градусов, когда Ксюша говорит:

— Папа, это Саша, она будет жить в нашем доме.

Это звучит так двусмысленно, что мои щеки снова начинают полыхать.

— Что? — изумляется мужчина.

На мгновение с него слетает всё его высокомерие. Неужели он подумал, что она говорит об их новом доме? Интересно, в качестве кого меня могла бы привести сюда его дочь?

И я тороплюсь всё прояснить:

— Ксюша говорит о доме Мельниковых. Кажется, папа когда-то разрешал вам там пожить?

Теперь уже я не могу удержаться от шпильки. Нет, ну в что? Он уже достаточно мне нахамил.

Взгляд Рембо проясняется.

— Так вы дочь Павла Станиславовича? Не ожидал вас тут увидеть. Прежде вы, кажется, не считали нашу деревню достойной вашего внимания.

— Я не имею права приехать в собственный дом? — резко спрашиваю я. — Или я должна была спросить у вас совета?

— Нет, ну что вы, конечно, имеете. Только вряд ли вам тут понравится. Здесь у нас, знаете ли, не Лазурный берег.

Ему-то откуда знать, какой он, Лазурный берег? Видел по телевизору? Но вслух я это всё-таки сказать не решаюсь. Вдруг он страшен в гневе.

— Ничего, я на Лазурном берегу была. И мне там как раз не понравилось, — на самом деле это тоже неправда, но мне почему-то захотелось так сказать — чтобы он поперхнулся от своего яда. — И вот еще что — даже если вы считаете Ксюшу достаточно взрослой, то на самом деле это не так. Она не может гулять по деревне одна.

— Вот как? — язвительно тянет он. — А у нас тут вообще-то детского сада нет!

— И что? — парирую я. — Наймите няню. А если на это нет денег, договоритесь с кем-нибудь из местных бабушек — думаю, многие согласятся за ней присмотреть в обмен на колку дров или вспашку огорода. Или что тут у вас еще пользуются спросом? Надеюсь, на это-то вы способны?

Я уже знаю, что он мастеровитый. Да и его накачанный плечевой пояс говорит о том, что он явно умеет держать в руках и топор, и лопату.

Смотрю на него, гордо вскинув голову. Мы тоже не лыком шиты.

Но он быстро приземляет меня одним своим вопросом.

— А у вас, Александра, дети есть? Оно и видно. Вот когда своих заведете, тогда и будете советы раздавать.

Отвечать не считаю нужным. И не хочу показывать ему, что меня задела его слова. Разворачиваюсь и иду назад, к своему дому. А вслед несется:

— Вы что, обиделись? А я мы вас с Ксюшей на чай хотели пригласить.

А в голосе издёвка. Да пусть подавится своим приглашением!

Не оборачиваясь, громко говорю:

— Спасибо! Но я хочу кофе со сливками! И пью я только настоящий, дорогой. У вас он вряд ли есть.

Снобизм — не лучший способ завести знакомства с местными жителями. Но этот тип меня просто выбесил. И как только у такого чудовища могла родиться такая милая дочь?

Глава 9

Возвращаюсь домой, кормлю Шерлока.

На улице — белые ночи. Светло как днём. И тепло. Но я всё равно радуюсь тому, что на кровати тут отличные стеганные одеяла. Я мерзлячка. Поэтому хорошо работающая печь лишней точно не будет.

Еще бы скважину пробурить, чтобы не нужно было воду из колодца или с реки таскать. И канализацию сделать. И нормальный туалет. Чтобы всё было как в городе. Вот тогда, пожалуй, можно тут зализывать душевные раны.

Перед сном иду прогуляться по огороду. За домом — несколько ровных грядок. В прошлом году, судя по всему, на них что-то росло. Есть и теплица. Наверно, ставил ее всё тот же квартирант. Потому что в те времена, когда тут жил папа, теплиц из поликарбоната еще не было.

Подхожу ближе. Ну, надо же, а там уже что-то посажено! В огородничестве я не сильна, поэтому отличить огурцы от петрушки могу только уже в готовом виде. А сейчас, когда им всего по три листка, они для меня все одинаковы.

Да и какая разница, что этот Данила-мастер сюда напихал? Это мой огород, так что пусть перевозит свою теплицу к своему дому. Мстительно ухмыляюсь. Представляю его лицо, когда я ему об этом скажу.

А церемониться я с ним не собираюсь. Это, может, среди аборигенов он авторитетом считается. А по мне, так он просто хам.

Есть на участке и баня. Не новая, но хорошо отремонтированная. Но на ней нет даже замка. Захожу внутрь. Вообще-то я люблю баню. Мыться в ней люблю. А вот как довести ее до того состояния, когда там уже мыться можно, я понятия не имею.

Ну, ничего, научусь. Нужно будет расспросить Августу Геннадьевну. Надеюсь, это дело не хитрое. А еще нужно будет выяснить, где тут местные купаются. Не каждый же день баню топить.

Заглядываю и в сарай. Дрова есть, но не слишком много. Интересно, где их покупают?

От огромного перечня хозяйственных работ у меня начинает болеть голова, и я решаю подумать об этом утром, на свежую голову.

Шерлок наблюдает за мной из окна. Кажется, ему тоже хочется на улицу. Но я не уверена, что можно выпустить из дома не привыкшему к таким прогулкам кота.

Оставить на ночь окно открытым я тоже не решаюсь, хотя свежий воздух в дом запустить не помешает. На окне натянута противомоскитная сетка. Но спать с открытым окном в незнакомом месте страшновато.

Забираюсь в кровать, заранее уверенная, что не смогу уснуть на набитой сеном подушке. Но неожиданно прекрасно засыпаю. И впервые с тех пор, как папы не стало, мне не снятся кошмары.

А утром я просыпаюсь от стука в окошко. Соседка пришла куда раньше, чем я обычно поднимаюсь.

— Не разбудила?

Вопрос риторический, потому что по моему сонному лицу она всё и так прекрасно понимает.

— Пойдем завтракать! А то я скоро в поле пойду, а ты останешься голодной.

У меня на сердце становится теплей от такой заботы. А ведь она совершенно посторонний для меня человек.

Завтрак оказывается основательным — рисовая каша, щедро сдобренная маслом, разогретые вчерашние шаньги и жареная колбаса. Уплетаю всё с удовольствием.

За столом только мы вдвоем. Не решаюсь спросить, с кем живет соседка. Если она одинока, то вопрос может и обидеть. Будем разбираться по ходу дела.

Для начала спрашиваю про воду. Оказывается, колодец прямо в огороде — и как я его вчера не заметила? А магазин в полукилометре отсюда. Работает с десяти до трех. Воскресенье — выходной.

Признаться честно, такой график меня шокирует. В городе я привыкла к тому, что продуктовые магазины открыты почти всегда.

— Тетя Гутя, а теплица в огороде от бывших квартирантов осталась?

— Да, Данила Зарецкий ставил, — кивает она. — Ох, да он же, вроде, уже и посадил туда чего-то! Надо вам с ним это обсудить.

— А почему он теплицу к себе на огород не перевезет? — удивляюсь я. — Я не собираюсь разрешать ему приходить ко мне во двор как к себе домой.

Она смотрит на меня с укоризной.

— Сашенька, да разве же он мог знать, что ты сюда приедешь? Вот сядете рядом да обсудите ладом. А мужик он хороший, один ребенка поднимает.

— А мама у Ксюши где? — раз уж соседка сама подняла эту тему, то не спросить было нельзя.

Августа Геннадьевна скорбно вздыхает:

— Померла от ковида, когда девочка еще совсем махонькой была.

Я тоже вздыхаю. Грустная история. Ребенка мне искренне жаль. Да и самого Зарецкого в общем-то тоже. Но это не отменяет того факта, что он хам.

— Ты присмотришься к нему, — вдруг советует мне хозяйка. — Такие мужики на дороге не валяются. Уж не знаю, удержишься ты в Тулгасе или в город вернешься, но по моему разумению, такой, как Зарецкий, и в городе пригодится. У нас тут все бабы молодые по нему сохнут.

Я фыркаю. Вот еще! И прежде, чем она начнет расспрашивать меня о моей личной жизни, я предпочитаю перевести разговор на другую тему.

— Тетя Гутя, я тут увидела, что у меня на бане замка нет. А в здешнем магазине они продаются?

— Замок? — она смотрит на меня с удивлением. — А на што на бане замок? Мы и дома-то тут редко на замки закрываем. Разве что когда в район едем. Тут чужие бывают редко, а свои по чужим огородам ходить обыкновения не имеют.

Ну, просто коммунизм какой-то в отдельно взятой деревне. Но в спор я не ввязываюсь. Еще обидится за своих.

Благодарю хозяйку за завтрак и возвращаюсь к себе. А в десять часов надеваю выуженное из чемодана платье и решаю съездить в местный магазин. Нужно купить хотя бы минимальный набор продуктов. У тети Гути всё же не столовая, чтобы каждый день ходить туда питаться.

Но не успеваю я подойти к машине, как слышу уже знакомый детский голосок:

— А ты сама водить умеешь?

Ксюша смотрит на меня с удивлением и восторгом. И опять она одна! Нет, ну что же он за человек-то такой, этот Данила Зарецкий?

Глава 10

— Умею! — подтверждаю я. — А ты почему опять гуляешь одна?

Этот Данила дурак или упрямец? Хотя одно другому не мешает. А ведь речь идет о безопасности его ребенка.

— Папа работает, — важно сообщает она. — Денюшки залабатывает.

Да, когда я шла вчера по деревне, я видела, что и другие дети примерно такого же возраста гуляли одни. Но те хотя бы гуляли неподалеку от дома, и в их дворах видны были взрослые.

А этот идиот как минимум на полдня уходит на работу и оставляет ребенка одного. Я терпеть не могу кляузников, но сейчас сама готова написать донос в органы опеки. Может быть, их вмешательство как-то на него повлияет?

— А ты куда поехала? — любопытствует малышка.

— В магазин. Хочешь со мной?

Вообще-то я не люблю возиться с детьми. Да и дел у меня куча. Но почему-то оставить тут Ксюшу одну я не могу.

Она радостно кивает и садится в машину.

Запоздало спохватываюсь, что у меня нет ни детского кресла, ни бустера. Но саму Ксюшу это ничуть не смущает. Она деловито пристегивается, хотя верхняя часть ремня безопасности оказывается выше ее головы.

Мне совсем не улыбается нарушать правила дорожного движения, но не выгонять же ее теперь из машины. Да и ехать до магазина всего пятьсот метров. Поеду тихонько.

— А у нас с папой машина больше, — рассказывает она, когда мы трогаемся с места.

Ну, разумеется, больше — с его габаритами в такой ему будет просто некомфортно.

— А еще у нас есть тлактол, — продолжает хвастаться Ксюша.

Конечно, куда же в деревне без трактора?

Магазином оказывается одноэтажное деревянное здание с высоким крыльцом. И как туда всё помещается? Там же продают и продукты, и промтовары!

Заходим с Ксюшей внутрь, и я изумленно замираю от того количества народа, которое там находится. Там человек двадцать, не меньше, что для такого маленького пространства явно перебор.

И когда мы заходим, все дружно поворачиваются в нашу сторону. Я отнюдь не затворница и отнюдь не теряюсь в компаниях, но столь пристальное внимание меня смущает.

В деревне каждый человек на виду. А я тут новичок, и всем хочется знать, кто я такая. И хотя никто не спрашивает об этом прямо у меня, я слышу, как по толпе проходит сдержанный шепот. А потом кто-то авторитетно заявляет, что это «дочка Пашки Мельника».

Я в принципе никогда не слышала, чтобы моего отца кто-то называл просто Пашкой. Павлом — да. А чаще — Павлом Станиславовичем. Так еще и не Мельников, а Мельник.

Но понимаю, что обижаться на это бессмысленно. Похоже, для местных я буду Сашкой Мельник.

И снова кто-то тихо спрашивает: «А как ее-то зовут». И кто-то так же тихо отвечает: «Кабыть, Шурой».

И от этой «Шуры» у меня на глаза наворачиваются слёзы. Так меня называл только папа.

Я, наконец, спохватываюсь и здороваюсь. И слышу дружное приветствие в ответ.

Встаю в очередь.

Нет, ну надо же — в очередь! Я их видела только в кино! Ну, иногда еще в платной поликлинике, но там они были гораздо короче.

И двигается эта очередь медленно. В магазине нет самообслуживания, и каждый покупатель оглашает список покупок, только когда добирается до продавщицы — румяной светловолосой девушки лет двадцати. И та неторопливо, с достоинством ходит вдоль прилавков, доставая названные товары.

А потом рассчитывает причитающуюся к оплате сумму на больших деревянных счетах. На счетах! А я думала, что они остались только в музеях. Ведь куда удобнее считать на калькуляторе, раз уж тут нет никаких сканирующих устройств. Но, надо признать, на счетах у этой девицы тоже получается довольно ловко.

Наша очередь подходит только через час. Мне уже начинает казаться, что куда быстрее было бы съездить до города и закупиться там.

— Устали, поди, с непривычки-то? — жалеет меня стоящая за нами старушка. — Сегодня пятница, хлебный день, вот народу-то и много. Молочку и свежий хлеб у нас привозят только по вторникам и пятницам.

Помечаю для себя — по вторникам и пятницам в магазин к открытию не ходить. Но тут же начинаю сомневаться в этом пункте, потому что продавщица сообщает:

— А хлеба нет. Мы его привозим только по записи. Ну, еще сверху немного берем. Но уже раскупили. Если хотите, я вас на вторник запишу. Вы одна приехали? Сколько будете брать? По буханке белого и черного?

— Юлюшка, отдай ей мою буханку белого, — вмешивается всё та же старушка. — У меня еще со вторника остался. А чего же ей без хлеба-то сидеть?

И снова у меня на душе теплеет. Ведь я же для нее совершенно чужой человек!

Мне нужно так много всего, что продавщице приходится принести две пустые коробки. Беру молочные продукты, крупы, сахар, соль, растительное масло. Из промтоваров — лампочки, навесной замок, моющие средства.

— Свечи еще возьмите! — советует кто-то из покупателей.

Я непонимающе хмурюсь.

— Электричество у нас часто отключают, — поясняет продавщица. — Ладно, когда днём. А вечером в потёмках сидеть придется.

Беру и свечи, и спички. Что-то наверняка забыла. Но трудно всем закупиться за один раз.

Достаю банковскую карту и по взгляды продавщицы понимаю, что это средство расчетов тут, кажется, не в ходу. А снять деньги в городе в банкомате я не догадалась.

— Ладно, попробуем, — вздыхает Юлия. — У нас тут терминал работает через раз.

Достаёт маленький кассовый аппарат, который считывает мою карту действительно не с первого раза.

— У нас тут с интернетом плохо, — то ли извиняется, то ли просто констатирует она.

И мне снова кажется, что я попала в другой мир.

Глава 11

Ни конфеты, ни шоколад я в магазине не покупаю — из солидарности с Ксюшей, которой ни того, ни другого нельзя. И ей лично я не покупаю вообще ничего — потому что кто его знает, на что еще у нее может быть аллергия. И дело вовсе не в том, что я боюсь получить очередную взбучку от ее неадекватного папаши, а в том, что не хочу, чтобы ребенку было плохо.

Справедливости ради нужно сказать, что сама Ксюша в магазине ничего у меня не просила. И даже никаких жалостливых взглядом ни на конфеты, ни на печенье, ни на мороженое не бросала. Воспитанная девочка. И явно не попрошайка. А может быть, накануне она тоже получила нагоняй от отца.

Кстати, никакой сыпи по всему телу я у нее не замечаю. Но, может быть, доза шоколада оказалась не слишком большой. В моей семье аллергиков не было, поэтому я понятия не имею, как с ними обращаться. На всякий случай решаю не кормить Ксюшу вообще ничем.

Какой-то мужчина из очереди помогает донести мои коробки до машины. А когда я предлагаю ему за это сто рублей (любой труд должен быть оплачен!), он только машет руками и спешит скрыться в магазине. Ну, мое дело предложить.

Сначала мне приходит в голову мысль довезти Ксюшу до ее дома. Но я сразу же ее отвергаю. Если Данила увидит, что я вожу ее в машине без детского кресла, он меня точно растерзает.

Поэтому когда девочка снова хочет расположиться на переднем сиденье, я дипломатично спрашиваю:

— Ксюшенька, тебе, наверно, пора домой? Уже обедать пора.

Каким бы трудоголиком ни был ее отец, он наверняка приходит домой хотя бы на обед. Что бы я про него ни думала, но дочь он, кажется, любит и уж явно не оставляет ее голодной на целый день.

— Ага, пола! — соглашается она. — Папа, навелно, уже дома. Ты меня отвезешь?

Вообще-то до ее дома не так и далеко. И этот путь она, должно быть, много раз проделывала в одиночестве. Но сказать пятилетнему ребенку, что она способна дойти до дома и сама, у меня язык не поворачивается. Тем более, что по пути ей нужно перейти по деревянному мосту через небольшую речку. А вода — это опасность. И если с девочкой что-то случится, я никогда себе этого не прощу.

— Отвезу, — вздыхаю я.

К голубому дому мы подъезжаем через пять минут. Калитка распахнута, и дверь на крыльце тоже.

И не успеваю я остановить машину, как сам Зарецкий оказывается возле нас. И, конечно, замечает именно то, что я предпочла бы скрыть.

— Вы всегда так вольно обращаетесь с правилами дорожного движения? — спрашивает он, буравя меня тяжелым взглядом.

Кажется, в его словарном запасе просто отсутствует слово «спасибо». Ну, не приучен человек его говорить!

Интересно, на тракторе он возит свою дочь тоже в детском кресле? А о том, что папа катает ее на тракторе, мне рассказала она сама.

И неужели он ждет от меня извинений?

— У меня в машине нет детского кресла! — заявляю я.

Я собираюсь сказать ему, что вообще-то я и не обязана каждый день доставлять его ребенка домой. Но он не дает мне возможности это сделать.

— Да я уже понял, что у вас нет собственных детей, — снисходительно бросает он. — Иначе вы не вели бы себя так безответственно.

Первая его фраза обидой пронзает мое сердце. Как будто бы отсутствие детей делает меня неполноценным человеком. И зачем он снова вернулся к этой теме? Что у меня нет детей, мы выяснили еще прошлый раз.

И остановись он на этой фразе, боюсь, я не смогла бы сдержать слёз. Но его вторая фраза резко меняет направление моих мыслей, а обида сменяется возмущением.

Это я вела себя безответственно? Да как он вообще смеет такое говорить?

— Не вам рассуждать об ответственности! — тут я чуть спотыкаюсь, потому что не знаю, как его назвать.

Данила? Для наших с ним изначально не сложившихся отношений это слишком дружеское обращение. Просто по фамилии? Не слишком культурно. Господин Зарецкий — просто смешно!

— Ребенок в таком возрасте не должен гулять по улице один! — продолжаю я. — И если вы не хотите этого понимать, значит, я вынуждена буду позвонить в органы опеки.

Его щеки вспыхивают, а взгляд наполняется гневом.

— Ну, позвоните вы туда, и что?

— Как это «что»? — удивляюсь я. — Они приедут с проверкой, а когда факты подтвердятся...

— Что будет, когда факты подтвердятся? Ее заберут в детский дом? Вы полагаете, ей там будет лучше?

От такого вопроса я теряюсь. Всё, что я знаю о детских домах, говорит о том, что лучше там ребенку точно не будет.

— Ну, то-то же, — удовлетворенно хмыкает он. — Я знал, что вы не совсем дура.

Что?! Да как он смеет?

— Надеюсь, на этот раз мы всё прояснили? — он тоже никак меня не называет, ни по имени, ни по фамилии. — И если у вас ко мне больше ничего нет, то я пойду кормить ребенка.

Наверно, стоит просто сесть в машину и уехать. Но это значило бы признать свое поражение и отступить перед этим хамом. А такого я позволить себе не могу.

— Нет, не всё! — громко говорю я. — Я приехала к вам, чтобы сказать, чтобы вы немедленно убрали свою теплицу с моей территории! На этом месте я хочу сделать зону барбекю!

— Какую зону? Впрочем, меня это не касается! Делайте там что хотите! Теплица уже не новая, переносить ее смысла нет. Хотите — ломайте. Но если вы и в самом деле собираетесь тут жить, то мой вам совет — используйте теплицу по назначению. Хотя кому я говорю? — он окидывает меня скептическим взглядом. — Вы вряд ли способны вырастить даже сорняк.

Да за кого он меня принимает? За неумеху? За белоручку? Да, я не садовод и не огородник, но разве в том, чтобы вырастить огурцы или кабачки есть что-то сложное? Да любой дачник их выращивает ведрами!

— Да с чего вы взяли, что не способна? — возражаю я. — Это дело нехитрое!

— Нехитрое? — ухмыляется он. — На что поспорим?

Глава 12

Нет, ну что сложного может быть в выращивании огурцов? Я бывала у подруги на даче, где ее мама каждый день собирала их тазиками. Нужно просто запихнуть в землю семена и время от времени их поливать.

Да и в интернете можно найти кучу роликов на любую тему. И про огурцы тоже.

И всё-таки на эту авантюру я не ведусь. Не хватало еще, чтобы я спорила на что-то с этим мужланом! И доказывать ему я ничего не собираюсь. Просто выращу эти дурацкие огурцы, и ему придется извиниться.

— Что, испугались? Языком чесать не мешки бросать.

— Вам виднее, — отвечаю я. — Хотя у вас наверняка и мешки бросать прекрасно получается.

Сажусь в машину и уезжаю.

Приезжаю домой, кормлю Шерлока (хорошо, что для него я догадалась прихватить из города целую коробку того корма, к которому он привык, потому что в местном магазине ничего подобного нет) и начинаю готовить обед для себя.

Я прекрасно готовлю, но в новых условиях это оказывается не так просто. Растопить печь я даже не пытаюсь. Но даже к электрической плитке, которую я отыскиваю в буфете, требуется приспособиться. Кстати, плитка в отличном состоянии — чистенькая, намытая. Как и всё тут в кухне. Даже сложно поверить, что тут жил отец-одиночка с маленьким ребенком.

Закрадывается мысль, что, возможно, он жил тут не один, а с женщиной. Ну, а что? Мужик молодой, рукастый. Такие в деревне наверняка нарасхват.

Но почему-то эта мысль мне не нравится. Неприятно думать о том, что в моем доме жила какая-то посторонняя разбитная девица.

Я варю легкий куриный супчик и делаю овощной салат. Такие салаты я предпочитаю делать с растительным маслом — кунжутным или оливковым. Но сейчас решаю попробовать местную сметану, которая оказывается на удивление густой и вкусной. В городе такой точно не купишь.

Интересно, чем этот Зарецкий кормит своего ребенка? Не удивлюсь, если исключительно яичницей и отварными сосисками с макаронами. Некоторые мужчины совершенно не умеют готовить.

На чай приходит тетя Гутя. И, словно прочитав мои мысли, приносит мне несколько пакетиков разных семян.

— У меня остались. Подумала, вдруг тебе пригодятся. Хотя за овощами можешь приходить и ко мне в огород, но свое-то вырастить куда приятнее, правда? Грядку с зеленью сделай, грядку с кабачками да грядку с картошкой.

Но я машу руками:

— Нет-нет, картошку я точно сажать не стану! Наверно, здесь ее нетрудно купить?

Соседка кивает:

— Конечно, не трудно! И что это я, в самом деле? Ты молодая, тебе это, может, и не к чему. Это мы, старики, привыкли только на свой огород полагаться. Чтобы в магазине всё покупать, никакой пенсии не хватит. А если у тебя заработок большой, то и нет нужды на грядках горбатиться.

Я предпочитаю сделать вид, что не обратила внимания на ее слова про заработок. Потому что это сложный вопрос. Пока я жила сначала с отцом, а потом с мужем, мне не приходилось думать о хлебе насущном. Предполагалось, что это забота мужчины — добыть мамонта для своей семьи. А женщина должна создавать в доме уют и делать жизнь мужчины красивой.

Вот только теперь мамонта для меня добывать было некому. И я слишком хорошо понимаю, что если у меня не появится источника дохода, то те деньги, что лежат у меня на банковском счете, быстро исчезнут.

У меня есть диплом университета в области экономики. Даже не один, а целых два — бакалавра и магистра. Но экономист я только на бумаге. Потому что когда я окончила магистратуру, то сразу вышла замуж и не работала ни дня. Вернее, немного работала, когда еще училась, но в фирме своего отца, а это вряд ли можно считать хоть каким-то опытом. Потому что там я просто делала вид, что работала.

А ведь училась я в универе на отлично. И дипломы у меня красные. Вот только какой в них толк в этой глуши?

Кажется, мне всё-таки придется вернуться в город. Потому что здесь мне работу точно не найти. Здесь, в Тулгасе, наверно, вообще нет ни одного предприятия. Хотя я проезжала мимо школы. Но школе экономисты явно не нужны.

Ладно, проведу пару месяцев в деревне, приду в себя и разошлю резюме в городские компании. И лучше ехать не в родной город, а в Москву или в Питер, там больше возможностей для трудоустройства.

А пока побалуюсь выращиванием огурцов. Раз уж я решила доказать, что это — дело плёвое.

Среди тех пакетиков с семенами, что принесла тетя Гутя, оказывается и пакетик с семенами огурцов. Их название мне ни о чём не говорило. Да и выбрать всё равно не приходилось.

Соседка говорила, что семена перед посадкой нужно замочить. Что я и делаю — наливаю в блюдце воды и высыпаю туда семена из пакетика. Отлично, начало положено!

Иду в теплицу. Данила-мастер разрешил мне использовать свою теплицу, так что потом пусть не возмущается, что выкинула из нее то, что он посадил.

Но когда я оказываюсь внутри, мой воинственный настрой сразу пропадает. Потому что торчащие из земли зеленые листочки выглядят трогательно-беззащитными. Наклоняюсь, срываю пару штук. Ага, петрушка и укропчик. Пусть растут. Тем более, что они посажены вдоль края грядки. А огурцы можно посадить и в середину — к тому времени, когда они начнут расти, зелень уже можно будет съесть.

Добираюсь до колодца. Он красивый, деревянный. Но пользоваться им жутко неудобно, и я с трудом поднимаю на поверхность полное воды ведро. А сколько таких ведер мне понадобится на день? А чтобы баню истопить? Нет, нужна скважина. И чтобы вода прямо в дом поступала.

Советуюсь на эту тему с соседкой.

— Оно бы, конечно, хорошо! Да только недешево. Вода здесь глубоко. Хотя Данила у себя в огороде сделал. Тебе бы с ним об этом поговорить. Может, если попросишь, помочь не откажется.

Вот уж нет! Именно его я как раз ни о чём просить не собираюсь. Лучше найду объявление в интернете и приглашу специалистов из города.

Глава 13

Когда у семян огурцов проклевываются крохотные росточки, я отправляюсь в теплицу. Бороню грядки, стараясь не захватывать те края, где посажена зелень. Потом хорошенько проливаю их теплой водой.

К сожалению, посмотреть видео с советами по выращиванию огурцов у меня не получается — в Тулгасе слишком плохой интернет. Но я убеждаю себя, что разберусь и сама.

Аккуратно беру семечки из блюдца и тыкаю их в землю. Ну, вот, ничего сложного. Горжусь своим трудолюбием.

Топить баню пока не берусь. Неоднократно слышала, что если сделать там что-то неправильно, то в ней можно и угореть. Впрочем, как и в доме. Но дни пока стоят теплые, так что топить печь надобности нет.

Я уже знаю, что в деревне принято топить бани по субботам, и когда настает этот день иду мыться к тете Гуте. Мне ужасно стыдно, что я не догадалась помочь ей наносить в баню воду. Но она заверяет меня, что она к этому привычная. Помечаю себе, что если пробурю в огороде скважину, то попрошу рабочих провести трубу и на участок соседки — она так много делает для меня, что такой жест будет с моей стороны как раз кстати.

Баня у Августы Геннадьевны оказывается такой жаркой, что я несколько раз выскакиваю в предбанник, чтобы выпить там квасу, который приготовила хозяйка. Парюсь с удовольствием, наслаждаясь и легким паром, и свежим березовым веником, и хвойным ароматом. В деревню стоило приехать хотя бы ради этого.

А потом мы пьем чай с пирогами, и тетя Гутя рассказывает мне о Тулгасе. И о том, что мой отец, оказывается, каждый год выделял деньги на реставрацию местного храма.

— Он старинный, деревянный. Летом сюда приезжают на месяц реставраторы из столицы. Денег за свою работу они не берут. Приезжают с палатками, проводят тут отпуск, рыбачат, ягоды, грибы собирают. И много работы в церкви делают. Крышу уже отремонтировали, стену сгнившую заменили. Этим летом окна менять хотели и полы внутри стелить. Вот только Паши-то теперь нет.

— Я даже не знала о том, что папа это делал, — лепечу я. — Он никогда не был особо набожным.

— Дед твой, Станислав, когда помирал, рассказал Пашке-то, что в войну он у этого храма крыльцо разобрал. Зима морозная была, а он молодой был да глупый, в лес за дровами ехать поленился. И терзало это его потом всю жизнь. Вот Павел, как деньги-то появились, и взялся ошибку бати-то своего исправлять.

Она смотрит на меня. Наверняка ждет, что я предложу финансировать эти работы вместо папы. И бы с удовольствием так и поступила. Вот только денег у меня не так много, чтобы что-то обещать. Я понятия не имею, о каких именно суммах идет речь.

Поэтому я молчу. Но этим же вечером звоню дяде Жене — папиному бухгалтеру. Уж он-то должен быть в курсе.

— Да, Сашенька, — подтверждает он, — Павел Станиславович действительно каждое лето переводил деньги реставраторам. Суммы были разные и зависели от объема работы. Но в среднем каждый год на эти цели шло около миллиона рублей. Работа велась уже лет десять, а то и больше.

Десять лет! И папа ни разу не сказал нам об этом! Почему?

Понимал, что Кира Евгеньевна этого не одобрит? Но он мог поговорить хотя бы со мной. Я никогда не считала его деньги, он был вправе распоряжаться ими так, как считал нужным.

Наверно, он думал, что мне это совсем не интересно. Ведь я никогда не высказывала желания даже просто съездить в Тулгас. А ведь он меня сюда звал. Хотел, чтобы я лучше узнала

его родные места. Но я всякий раз находила какие-то причины, чтобы не поехать с ним. Куда более привлекательным мне казались каникулы на море или в столице. Мне казалось, что тут решительно нечего делать.

Если бы всё можно было вернуть назад, я поступила бы по-другому.

После разговора с дядей Женей я звоню сестре. Этот звонок стоит мне куда больших сил. Мы не разговаривали с Жанной с тех самых пор, как я уехала из города. И я была уверена, что ей никогда не позвоню.

Да и сейчас я это делаю, скрепя сердце.

— Саша! Ну, наконец-то! — в голосе сестры я неожиданно слышу радость. — Давно бы так! Мы же всё-таки не чужие люди, правда? Чего нам делить?

Я могла бы напомнить ей, что именно мы с ней делили, но предпочитаю сделать вид, что я об этом забыла. Этот звонок для меня унижение, но я делаю это не для себя. А для Тулгаса, который принял меня с таким теплом. И ради папы.

Я рассказываю сестре о церкви, которая реставрировалась на его деньги. И о том, как много значит она для жителей деревни. И о нашем деду. Жанна слушает, не перебивая.

— Было бы здорово, если бы мы могли продолжить его дело. Там остались только внутренние работы. Если хочешь, приезжай — посмотришь сама.

Повисает пауза, после которой сестра не слишком уверенно говорит:

— Я даже не знала, что папа это делал. Но ведь это же куча денег!

— Реставраторы работают бесплатно. Деньги нужны только на пиломатериалы. Давай поделим эти расходы на двоих. Одной мне их не потянуть.

— Вообще-то, если церковь старинная, то деньги на ее реставрацию должно выделять государство. Или епархия. Или пусть местные жители собирают. Наверняка не только наш дед приложил руки к ее разорению. А за то крыльцо папа уже заплатил достаточно. Тебе так не кажется?

Я стискиваю зубы и считаю до десяти. Чтобы не сорваться и не сказать чего-то резкого.

— Но для папы это было важно — чтобы в церкви снова начались службы. И ведь именно тебе он оставил все деньги.

— Вот именно! — подтверждает она. — Он оставил их мне. А об этом проекте он даже не упомянул в завещании. Да даже если бы я и захотела в этом поучаствовать, я этого сделать не могу. Я уже пообещала эти деньги Роберту.

— Что? — я не верю своим ушам. — Ты хочешь отдать деньги Каблукову? Не будь дурой, Жанна! Это не тот человек, которому можно доверять!

— В тебе говорит обида, Саша! Прежде ты ценила деловые способности Роберта. И речь идет об очень доходном проекте. Послушай, давай не будем ссориться хотя бы из-за этого. Я очень рада, что ты позвонила. Но, извини, помочь тебе деньгами не смогу. Кстати, я пришлю тебе приглашение на нашу с Бобом свадьбу. В конце концов разве бывшие муж и жена не могут остаться друзьями?

Глава 14

Нет, ну какая же я дура! Как я вообще могла подумать, что Жанна откликнется на мою просьбу и даст денег на то, чтобы завершить папин проект. А ведь эти деньги ей оставил именно он.

И снова, уже не в первый раз, я думаю о том, что папа ошибся. Если бы он оставил деньги мне, я не стала бы жадничать, как сестра, а непременно дала бы деньги на реставрацию церкви. Потому что я не такая, как она.

Но не успеваю я предаться обиде, как осознаю другое — если бы папа оставил деньги мне, я бы вообще сюда не приехала. Чего ради я отправилась бы в Тулгас, если бы в финансовом плане у меня всё было по-прежнему?

Запоздало думаю и о том, что если бы именно я стала основной папиной наследницей, то наш брак с Каблуковым бы не рухнул, и я до сих пор не знала бы, какая сволочь мой бывший муж. Так что в таком распределении папиного состояния какая-то польза всё же есть, как бы горько ни было это признавать.

Следующие пару дней я настойчиво поливаю запиханные в землю семена огурцов. Правда, они почему-то на это никак не реагируют. При таком количестве воды (а ведь, между прочим, я своими ручками добываю ее из колодца!) они давно уже должны были пойти в рост и порадовать меня зелеными листиками. А они словно забыли о том, для чего они здесь сидят.

И как раз когда я в очередной раз разглядываю столь невзрачные результаты своего труда, на грядку вдруг падает чья-то тень. Оборачиваюсь и вижу стоящего в дверях теплицы Зарецкого.

Возмущенно хмурюсь. И дело даже не в том, что он подкрался незаметно. Нет, дело в том, что на его лице такая ухмылка, что мне хочется швырнуть в него лейку, которую я держу в руках.

— А вы, как я погляжу, опытный огородник!

Он даже не пытается замаскировать издевку. Я вскакиваю и воинственно подбочениваюсь.

— Тут дело не во мне, а в семенах!

С какой стати я вообще перед ним оправдываюсь? Мне не должно быть никакого дела до его ценного мнения. Но мне почему-то совсем не хочется, чтобы он счел меня неумехой.

— В семенах? — его ухмылка становится еще заметней. — А по-моему, если садить их хвостиком вверх, то шанс выжить у них один на миллион. Чем, по-вашему, они должны цепляться за землю?

Закусываю губу. Неужели он прав? И как я сама об этом не догадалась? Теперь мне это кажется до обидного логичным.

— И еще совет, если позволите, — продолжает он. — В такую жару поливать огород нельзя. Вы же сожжете все растения. Капли воды на листьях — это же маленькие линзы. Вы никогда не пробовали с помощью линзы костер разжигать?

И снова я понимаю, что он прав. Вот только вслух признать я это не готова.

— Да не собираюсь я выращивать никакие огурцы! — от злости я притопываю ногой. — Делать мне больше нечего, что ли? Я вполне могу позволить себе покупать овощи в магазине! Так что у меня нет нужды возиться с огородом.

Я понимаю, что это звучит слишком надменно, как-то по-барски, словно я противопоставляю себя местным жителями, но я уже не могу остановиться.

— А вы вместо того, чтобы раздавать тут советы, лучше бы своим ребенком занялись. Она опять, небось, одна гуляет по деревне!

Его глаза сразу сужаются, а ухмылка сбегает с губ.

— Да живите вы как хотите, — он пожимает плечами. — Только и к нам не суйтесь! Со своим ребенком я сам как-нибудь разберусь.

Он разворачивается и уходит. Я слышу, как с грохотом катится по мостовой попавшееся ему под ноги ведро.

Виноватой я себя не чувствую. Если бы он действительно хотел помочь, то те же самые советы мог преподнести совсем по-другому.

Из теплицы я ухожу в растрепанных чувствах. Мне и в самом деле не следует заниматься тем, чего я не совершенно не умею делать. Конечно, можно научиться. Можно спросить совета у Августы Геннадьевны. Но зачем? Огурцы я действительно могу купить в магазине. К чему мне становиться огородницей, если через пару месяцев я намерена вернуться в город?

Разогреваю обед. Ем сама, кормлю кота. Слышу скрип ступенек крыльца. Но не такой, какой бывает, когда по ним поднимается взрослый человек. Наверно, это Ксюша.

Так оно и оказывается. Выхожу на улицу, сажусь рядом с ней на крыльцо.

— Кушать хочешь?

Вообще-то я не должна задавать ей этот вопрос. Ее папаша недвусмысленно сказал мне, что я не должна соваться в их жизнь. Вот только как промолчать, если ребенок может быть голодным?

К счастью, девочка мотает головой:

— Нет, мы с папой только что кушали!

Ее темные волосы заплетены в такие странные косички, что я не могу удержаться и не переплести их. И пока я делаю это, она сидит, не шелохнувшись. Только не замолкает ни на минуту.

Рассказывает о том, что папа вчера поймал в комнате шмеля, и они выпустили ее на улицу. А еще папа принес целую чашку земляники. Вкусно! И пообещал свозить ее этим летом в город в цирк. Она еще никогда там не была.

Она делится простыми радостями, и у меня опять оттаивает сердце. И всё-таки когда она собирается домой, я проявляю характер и не предлагаю ни отвезти, ни отвести ее домой.

Он сказал — не соваться. Вот я и не буду.

И я остаюсь сидеть на крыльце, когда она выходит за забор и машет мне рукой. Машу ей в ответ и смотрю ей вслед до тех пор, пока ее украшенная бантиками головка не скрывается за кустами смородины.

До самого вечера я разбираюсь с книгами. В отдельные коробки складываю те, что можно отдать в местную библиотеку или в школу. Потому что сейчас книги стоят у меня повсюду — даже под кроватью. А мне хочется придать избе хоть какой-то уют. Да и чего они будут пылиться у меня в шкафах, если могут принести кому-то пользу?

Крыльцо снова скрипит, только теперь по шагам я уже узнаю тетю Гутю. Она врывается в дом с непривычной для себя резвостью.

— Шура, к тебе Ксюша не приходила?

У нее такое взволнованное лицо, что мне становится страшно.

— Приходила в обед. А что случилось?

— Да пропала она, говорят! Домой не пришла! И уж несколько часов ее никто не видел! Дверь за спиной соседки опять распаивается, и я вижу Зарецкого.

— Моя дочь не у вас? — рычит он.

Его кулаки сжаты так, что костяшки пальцев побелели. И когда я отрицательно качаю головой, белеет и его лицо.

Я понимаю, что в пропаже Ксюши виноват он сам. Разве я не предупреждала его, что это опасно — оставлять ребенка одного? Но какая теперь разница, кто виноват? Нужно же что-то делать!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.